УДК 323

КВАЗИГЕНДЕРНЫЕ ГРУППЫ В ЛИМИНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Швец Маргарита Витальевна,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт,
аспирант,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: dopobr@skags.ru

Аннотация
В статье с позиций гендерной теории и политологической концепции лиминальности (Л.В. Сморгунов, Ф.А. Шебзухова) намечены подходы к исследованию, объяснению и прогнозированию поведения таких специфических акторов политических процессов, как квазигендерные группы (ЛГБТ-сообщество), выступающих в современной российской политике по преимуществу в роли теневых субъектов.

Ключевые понятия:
гендерная парадигма в политологии, гендерная и квазигендерная эмансипация, лиминальность, квазигендерные группы, нестандартная и парадоксальная модели политического поведения.

Современные политические трансформации, происходящие в мире, в качестве одного из ведущих трендов имеют демократизацию. В ее рамках не только возрастает удельный вес в принятии решений и политическом влиянии больших социальных групп и интересов большинства, но и осуществляется репрезентация интересов и статусных позиций малых социальных групп, учет интересов различных меньшинств. Имеют место и процессы, в рамках которых происходит перепозиционирование статуса и интересов крупных групп, которые до поры до времени выступали как меньшинства. Наиболее наглядный и значимый процесс, наблюдавшийся на протяжении XX века, связан с повышением социально-политической роли женщин. По существу, данный процесс развернулся только в XX веке и набрал значительный ход к его концу – началу XXI в. Это нашло свое отражение и в формировании одной из новых парадигм, подходов в современной политической науке – гендерной [5].

Позиционирование гендерного подхода, гендерных исследований характерно и для ряда других социально-гуманитарных наук (социология, психология, педагогика, менеджмент и др.).

Следует подчеркнуть, что последователям данного подхода в разных отраслях гуманитарного знания присуща общая позиция: «Последователи гендерного подхода... исходят из следующего положения – не пол, то есть биология и природа, а гендер обусловливает психологические качества, способности, виды деятельности, интересы, занятия мужчин и женщин [1, с. 7].

Если брать общий контекст гендерных изменений, то речь идет прежде всего о том, что в развитых странах происходят изменения, связанные (по определению И.С. Кона) с сексуальной, гендерной и семейной революциями [3].

Пик сексуальной революции в развитых странах Запада пришелся на 1960–1970-е гг., а главными историческими предпосылками стали индивидуализация, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением.

Социально-культурные сдвиги, которые первоначально выглядели как сексуальные, очень скоро переросли в революцию гендерную. Сексуальная революция XX в. была по преимуществу женской. Практически все поведенческие и дискурсивные перемены, которые ассоциируются с этим понятием, будь то снижение возраста сексуального дебюта, изменение характера

партнерских отношений или отношения к эротике, выражены у женщин значительно сильнее, чем у мужчин. Ослабление гендерной поляризации началось отнюдь не в постели, а в сфере общественного разделения труда. Сегодня женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого социального статуса, и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках. Современные мужчины и женщины открыто конкурируют друг с другом в широком спектре общественных отношений и деятельностей. В сфере трудовой деятельности происходит постепенное разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление дихотомизации и поляризации мужских и женских социально-производственных ролей, занятий и сфер деятельности. Мужчины утрачивают монополию на доступ к политической власти и ее использование.

Также произошла семейная революция. Брак утратил монополию на оправдание сексуальности и легитимацию партнерских и семейных отношений. Сегодня «парой» в ряде «продвинутых» государств фактически признается любой союз, где двое людей говорят, что они образуют единое целое, независимо от семейного статуса и пола партнеров, а «семьей» в ряде случаев считается любая пара, имеющая детей, независимо от того, зарегистрированы ли их отношения и воспитываются ли дети в одном или двух домохозяйствах. Превращение брака в свободное партнерство резко уменьшает возможности административно-бюрократического «регулирования» семейных отношений сверху. В современном браке гораздо больше гендерного равенства, «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. В связи с этим меняется и отношение к однополым семьям. В первом десятилетии XXI в. однополые браки полностью узаконили 13 стран, во многих других странах, чтобы избежать конфессиональных конфликтов, их легитимируют под другими названиями, типа «гражданских партнерств».

Специфика второго этапа эмансипации заключается в том, что в то время как гендерные проблемы практически во всемирном масштабе и уже достаточно длительный промежуток времени признаются актуальными и требующими немедленного решения. В то время как проблемы, связанные с нетрадиционной сексуальной ориентацией и иной гендерной идентичностью до сих пор встречают глухое непонимание, а иногда и откровенную враждебность. Мы уже подробно освещали этот аспект ранее [9; 10].

В итоге, мы можем определить квазигендерные группы как группы сексуальных меньшинств, не имеющих статуса гендерных групп, каждая из которых объединена на основе определенного образа жизни и собственного культурного производства сексуального поведения, подвергается социальному осуждению и дискриминации со стороны гендерного большинства, что в большей или меньшей степени проявляется в различных культурах и в разные исторические эпохи, и с течением времени стремится к культурной и политической идентификации.

Эмансипация сексуальных меньшинств, в том числе через политический активизм и конструирование собственной позитивной идентичности, началась как ответ на политическую и социальную дискриминацию. XX век был веком эмансипации.

Что касается ситуации в России, то здесь деятельность квазигендерных групп в последнее время все более явно вписывается в глобальную стратегию развития движения лесби-гей-бисексуалов-транссексуалов (далее – ЛГБТ-движение), где отражаются трудности в его деятельности, связанные с социально-политической неопределенностью в обществе, и ставятся задачи преодоления этих трудностей.

В январе 2008 года в Москве состоялся «круглый стол» ЛГБТ-активистов и представителей правозащитных организаций. По итогам этой встречи был принят проект «Основные положения стратегии развития ЛГБТ-движения в России». Этот документ, по замыслу авторов, должен стать основой для дискуссии о настоящем и будущем ЛГБТ-движения в России, его ближайших целях и методах.

В «Стратегии развития» определены следующие цели деятельности: 1) помощь в преодолении внутренней гомофобии и трансфобии, 2) содействие удовлетворению социальных и духовных потребностей ЛГБТ, 3) повышение организованности и солидарности сообщества [6].

В России гомосексуальные отношения уголовно не преследуются с 1993 г. Этот шаг по их декриминализации был осуществлен в основном под давлением международного общественного мнения с целью обеспечить вступление России в Совет Европы. Окончательно данное решение было за-

креплено в новом Уголовном кодексе РФ, вступившем в силу с 1 января 1997 г.

В целом же, отношение к гомосексуализму и гомосексуалам в РФ крайне неоднозначное. С одной стороны, это политическая гомофобия – позиция ряда общественных организаций, партий, государственных и партийных деятелей, выступающих против пропаганды гомосексуальных отношений и сводящих все проблемы квазигендерных групп к этому основанию; мнение ряда известных российских сексологов, считающих гомосексуальность нарушением психосексуальной ориентации по полу объекта; принципиальная постоянно озвучиваемая позиция Русской Православной Церкви (РПЦ) и других религиозных конфессий России, которые считают гомосексуализм тяжким грехом. С другой стороны, усилия, направленные на изменение отношения к гомосексуальности, в основу которого положено представление о ней как о варианте нормы [4, с. 135].

По оценкам видного отечественного ученого проф. И.С. Кона, специфическая черта российской политической гомофобии – ее резко выраженная антизападная направленность. То, что в начале нового тысячелетия Россия и Запад стали политически и идеологически развиваться в противоположных направлениях, совершенно не зависит от сексуальных меньшинств, но сильно влияет на их положение. На Западе после завершения процессов декриминализации и депатологизации сексменьшинства стали бороться за признание своих гражданских и человеческих прав и при поддержке демократических сил добились в этом значительных успехов. В России геи перестали быть преступниками и больными, но никаких прав и гарантий безопасности не получили [2].

Гомофобия в России в последнее время стала даже нарастать. Тем не менее, 31 марта 2010 г. Комитет министров Совета Европы, представленный национальными правительствами 47 стран-членов, единогласно принял «Рекомендации по мерам преодоления дискриминации по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности». Это первое в мире межправительственное соглашение о мерах по обеспечению прав геев, лесбиянок и трансгендеров. Документ содержит перечень конкретных шагов в таких сферах, как: преступления на почве ненависти и речи ненависти; свобода объединений, выражения и мирных собраний; право на уважение частной и семейной жизни; трудоустройство; образование; здравоохранение; жилье; спорт; право на убежище. «Комитет министров принял свои Рекомендации консенсусом. Это означает, что с ними согласилась и Россия», – заявил по этому поводу председатель Российской ЛГБТ-сети И. Кочетков [12].

Иллюстративно яркой, характерной и официально публичной в этом плане является четкая позиция, которую обозначил Президент РФ В.В. Путин на итоговой пресс-конференции 4 июня 2013 г. по итогам саммита Россия–ЕС в г. Екатеринбурге: «Я считаю, что в целом у нас законодательство весьма либерально в этом плане, никакой дискриминации. Люди любых предпочтений у нас работают, делают карьеру, мы их признаем на государственном уровне за конкретные дела. Я считаю, что проблем здесь никаких нет. Все мы должны быть более толерантными. И проявлять меньше агрессии. Это касается как людей традиционной, так и нетрадиционной ориентации. Поменьше выпячивания... Что касается закона об ограничении усыновления в однополые семьи – пока такого законопроекта у меня нет, я его не видел. Если будет принят парламентом, – я его подпишу» [7].

Что касается специфических проявлений квазигендерных групп в современной политике, то хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, несмотря на развертывание второго глобального этапа эмансипации, деятельность квазигендерных групп во многих странах мира все еще носит по преимуществу закрытый и теневой характер. Это относится и к России. Во-вторых, выходу из тени в публичное пространство способствует переход самих политических процессов в так называемую лиминальную стадию.

В методологическом плане это новый политологический концепт «лиминальности» (Л.В. Сморгунов, Ф.А. Шебзухова) [8], применяется для ситуаций, когда властные структуры оказываются в положении частичной утери легитимности и начинающегося процесса легитимации сопротивления власти. В этих условиях в публичное политическое пространство активно включаются акторы, имевшие статус теневых, непубличных, уходивших от любого взаимодействия с официальными властями.

Как раз одним из таких ярких современных примеров, в особенности для российских условий, когда в условиях лиминальности происходит переход из теневой в публичную позицию, выступают квазигендерные группы (ЛГБТ-сообщество). Они

представляют современную волну (вторая глобальная волна) гендерной эмансипации и позиционируются на почве защиты своих прав, легализации своих отношений (включая семейные) в гражданском правовом поле.

Вместе с тем, даже заявляя о себе в публичном политическом пространстве, квазигендерные группы не становятся полноправными участниками политических процессов, в силу ряда обстоятельств реализуя свою деятельность в рамках нестандартной и парадоксальной моделей поведения [11] (когда политическая активность проявляется группами с пассивными и абстентеистскими политическими установками).

Подводя итоги анализу проблемы конституирования квазигендерных групп в политических процессах, подчеркнем следующее:

1. Глобальные политические процессы в современном мире вызвали тектонические сдвиги не только в развитии технологий, массовых коммуникаций, финансовой деятельности, формировании инновационных сетей, но и в сфере межличностных, семейных, межэтнических и иных отношений. Одним из мощных проявлений выступила гендерная эмансипация и самая ее неординарная последняя волна – квазигендерная эмансипация.

2. Глобализация трансформировала пространство публичной и непубличной, теневой политики, синхронизировав и ускорив процессы политического развития. В то же время на политическую арену вышли новые субъекты публичной и теневой политики. Мы обращаем внимание на разнообразие моделей деятельности субъектов теневой политики: стандартную, нестандартную, парадоксальную.

3. Конкретные проявления нестандартной и парадоксальной теневой субъектности видны на примере позиционирования квазигендерных групп. Типичной их чертой выступают правозащитная направленность и создание условий самореализации в общегражданском контексте. Как теневые субъекты квазигендерные группы не обладают собственным политическим потенциалом, и на массовом уровне для них не характерна устремленность во власть. Это составляет суть парадоксальной модели: включение в политические отношения без нацеленности на доминирование в них и даже при преобладании абсентеистских установок.

4. Включенность в политические процессы по образцу парадоксальной модели создает благоприятствующие условия для политического манипулирования квазигендерным движением: со стороны глобалистских центров – с целью создания видимости (а, может быть, и не только) оппозиционных российской власти сил и давления на российскую власть; со стороны российских политических акторов – для создания образов врага, «пятой колонны», для создания эффекта мнимой мобилизации масс, их разделения на «своих» и «чужих» и т.п.

5. Россия уже включена в глобальный процесс квазигендеризации, расположившись в его арьергардной части. Поэтому включение в гендерную и квазигендерную эмансипацию будет идти меньшими темпами, захватывая значительно меньшую часть претендентов на квазигендерную самореализацию, нежели в западном анклаве глобализации, что создает условия для миграционных перемещений из России части квазигендерных групп.

6. Как парадоксальный теневой субъект в политике квазигендерные группы не представляют реальной силы и опасности для существующей системы политической власти. Однако могут быть использованы в качестве объекта политических манипуляций.

1. Козлов, В.В. Гендерная психология [Текст] / В.В. Козлов, Н.А. Шухова. СПб.: Речь, 2010. 270 с.

2. Кон, И. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии [Электронный ресурс] / И. Кон// Вестник общественного мнения. 2007. № 4. URL: http://www.gay.ru/science/kon/research/kon (дата обращения: 15.10.2012 г.).

3. Кон, И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революция [Текст] / И.С. Кон // Постклассические гендерные исследования: Колл. моногр. / Отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2011. С. 8–32.

4. Кочарян, Г.С. Гомосексуальные отношения и современная Россия [Текст] / Г.С. Кочарян // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2009. № 1 (21). С. 133–147.

5. Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица и др.; Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М., Вече, 1999. 816 с.

6. Основные положения стратегии развития ЛГБТ-движения в России [Электронный ресурс] //http://lgbtnet.ru/2008/ (дата обращения: 15.10.2012 г.).

7. Путина достали однополые браки [Текст] // МК-на-Дону. Московский комсомолец. 2013. 12–19 июня. № 25. С. 8.

8. Сморгунов, Л.В. Сложные сети и демократия в России: новые возможности и ограничения [Текст] / Л.В. Сморгунов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. № 3 (32). С. 61–66.

9. Швец, М.В. Инкорпорирование квазигендерных групп в общественную жизнь и политический процесс [Текст] / М.В. Швец // X Международные гендерные чтения. Гендерные отношения в социокультурной среде. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 330–335.

10. Швец, М.В. Квазигендерные группы в современном политическом процессе: позиционирование в обществе и механизмы взаимодействия с властью [Текст] / М.В. Швец. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2012. 152 с.

11. Швец М.В. Теневые субъекты в современных политических процессах: нестандартная и парадоксальная модели [Текст] / М.В. Швец // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 2. С. 225–233.

12. GayNews.RU Новостной сайт ЛГБТ-движения.

1. Kozlov, V.V. Gendernaja psihologija [Tekst] / V.V. Kozlov, N.A. Shuhova. SPb.: Rech', 2010. 270 s. (Russian).

2. Kon, I. Gomofobija kak lakmusovaja bumazhka rossijskoj demokratii [Jelektronnyj resurs] / I. Kon// Vestnik obshhestvennogo mnenija. 2007. № 4. URL: http://www.gay.ru/science/kon/research/kon/ (data obrashhenija: 15.10.2012 g.) (Russian).

3. Kon, I.S. Tri v odnom: seksual'naja, gendernaja i semejnaja revoljucija [Tekst] / I.S. Kon // Postklassicheskie gendernye issledovanija: Koll. monogr. / Otv. red. N.X. Orlova. SPb.: Izd-vo C-Peterb. unta, 2011. S. 8–32. (Russian)

4. Kocharjan, G.S. Gomoseksual'nye otnoshenija i sovremennaja Rossija [Tekst] / G.S. Kocharjan // Zhurnal psihiatrii i medicinskoj psihologii. 2009. № 1 (21). S. 133–147 (Russian).

5. Politicheskaja nauka: novye napravlenija / Per. s angl. M.M. Gurvica i dr.; Nauchnyj redaktor E.B. Shestopal. – M., Veche, 1999. 816 s. (Russian).

6. Osnovnye polozhenija strategii razvitija LGBT-dvizhenija v Rossii [Jelektronnyj resurs] //http://lgbtnet.ru/2008/ (data obrashhenija: 15.10.2012 g.) (Russian).

7. Putina dostali odnopolye braki [Tekst] // MK-na-Donu. Moskovskij komsomolec. 2013. 12–19 ijunja. № 25. S. 8 (Russian).

8. Smorgunov, L.V. Slozhnye seti i demokratija v Rossii: novye vozmozhnosti i ogranichenija [Tekst] / L.V. Smorgunov // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. Astrahan', 2012. № 3 (32). S. 61–66 (Russian).

9. Shvec, M.V. Inkorporirovanie kvazigendernyh grupp v obshhestvennuju zhizn' i politicheskij process [Tekst] / M.V. Shvec // X Mezhdunarodnye gendernye chtenija. Gendernye otnoshenija v sociokul'turnoj srede. Rostov n/D.: Izd-vo JuFU, 2013. S. 330–335 (Russian).

10. Shvec, M.V. Kvazigendernye gruppy v sovremennom politicheskom processe: pozicionirovanie v obshhestve i mehanizmy vzaimodejstvija s vlast'ju [Tekst] / M.V. Shvec. Monografija. Rostov n/D.: Izd-vo JuRIF RANHiGS, 2012. 152 s. (Russian).

11. Shvec M.V. Tenevye sub#ekty v sovremennyh politicheskih processah: nestandartnaja i paradoksal'naja modeli [Tekst] / M.V. Shvec // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2013. № 2. S. 225–233 (Russian).

12. GayNews.RU Novostnoj sajt LGBT-dvizhenija (Russian).

UDC 323

QUASI–GENDER GROUPS IN LIMINAL POLITICAL PROCESSES

Shvets Margarita Vitalievna,
the Russian Academy
of National Economy and
Public Administration under
the President of the
Russian Federation,
South-Russian Institute,
post graduate,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: dopobr@skags.ru

Annotation
The article from the position of gender theory and political science concept of liminality (L.V. Smorgunov, F.A. Shebzuhova) affords the approaches to the study, explanation and forecasting the behavior of such specific actors of political processes as quasi-gender groups (LGBT) acting in modern Russian politics mainly as shadow subjects.

Key concepts:
gender paradigm in political science, gender and quasi-gender emancipation, liminality, quasi-gender groups, non-typical and paradoxical models of political behavior.